

Е.М. Сергеев**Взгляд сквозь годы. Воспоминания****(Продолжение¹)**

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) — крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геозкология: инженерная геология, гидрогеология, геокриология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

ЧАСТЬ III. МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Глава 18. Жизнь продолжается

Опасения, что мою телеграмму не получили и что меня никто не встретит, к счастью, не оправдались. На перроне Павелецкого вокзала я увидел свою семью. Вышел из вагона и попал в их объятия.

От вокзала домой, на Большую Ордынку пришлось идти пешком. Это порядочное расстояние, и к концу пути я почувствовал, что здорово устал: не привык еще ходить на костылях.

Наконец, я дома. Сажусь на свой диван — это наша с Шурой первая покупка, которую мы сделали в тридцать пятом году, вернувшись с Дальнего Востока. Оглядываю комнату — как все хорошо и как все знакомо. Но многих вещей нет. Ну, да бог с ними! Все равно хорошо. Даже замечательно. Самое главное, что фашистов гонят на запад, война, правда, еще не закончилась, но мы все вместе, дома, в Москве, и, хотя я инвалид, но все мы живы. Начались расспросы. Я попробовал начать рассказывать все по порядку, но скоро понял, что это невозможно.

— Потом как-нибудь расскажу. — Это «потом» продолжается много лет. Так живы в памяти события военных лет.

В первые же дни надо было сделать уйму дел: сходить в военкомат, оформить пенсию, восстановиться на работе в университете, встать на партучет и т.д.

Вначале мне установили инвалидность второй группы, но вскоре заменили на третью с ежегодным переосвидетельствованием (как будто за год нога могла вырасти!). И только через несколько лет здоровый смысл восторжествовал и такие инвалиды, как я, получили инвалидность пожизненно.

Отцу очень хотелось, чтобы мы вместе сфотографировались. Эта фотокарточка сохранилась. Вид у нас у обоих неважный. 7 ноября 1943 года праздновали радостно. К этому времени наша армия освободила Киев. Для меня это не только столица Украины, здесь я пошел учиться в первый класс в 1921 году, в Киев я приехал по направлению райвоенкомата в 1941 году, чтобы надеть форму младшего лейтенанта и отправиться на войну.

И вот еще одна небольшая радость. Звонок ... и в комнату входит Петр Сироткин. Долго я ждал этой встречи. На одной ноге я запрыгал к нему. Мы обнялись. Начался длинный разговор. Я рассказал о себе, Петр — о себе. Он был командиром полка, защищал Главный Кавказский хребет, участвовал в боях на Малой Земле под Новороссийском и при прорыве «голубой линии» на Кубани. Потом его направили на учебу в Москву, в академию имени Фрунзе. Узнал наш адрес, и вот мы встретились.

Закончил академию Петр Иванович в звании полковника и был направлен на работу в Министерство обороны СССР. Его семья переехала в Москву. Петр Иванович неоднократно бывал у меня дома со своей женой, Ниной Валентиновной. Посмеиваясь, он рассказывал, что ему приходится работать над новым Боевым уставом пехоты (БУП-ом), который все мы в свое время зубрили от корки

¹ Начало — в № 1–6 журнала «Инженерная геология» за 2016 год и № 1–4 журнала «Инженерная геология» за 2017 год.

до корки. Новый БУП создавался на основе опыта Великой Отечественной войны. Видно было, что, с одной стороны, он гордился тем, что ему поручили подготовить такой важный документ, а с другой стороны, — эта работа его не очень удовлетворяет. Дальнейшая судьба Петра Ивановича сложилась не очень удачно. Он был направлен в Академию Генерального штаба, окончил ее с золотой медалью, был назначен заместителем главного редактора «Военного журнала». Плохо стало со здоровьем, все чаще пошаливало сердце. После третьего инфаркта в 1971 году по возрасту был уволен в запас. Петр Иванович остался жить в Москве. Редактировал военные рукописи. Научился резьбе по дереву. Эти его работы можно посылать на любую выставку.

Благодаря Петру Ивановичу моя книга «За строкой фронтового письма» увидела свет. Ждал книги так же, как и я, и не дождался — четвертый инфаркт прервал жизнь Петра Ивановича Сироткина. Ушел из жизни воин, талантливый журналист.

Для того чтобы добраться до университета, мне надо было на костылях пройти от Большой Ордынки до трамвайной остановки на Большой Полянке и доехать на трамвае до Манежа. Инвалидам разрешалось ездить на передней площадке трамвая, если не возражает вагоновожатый. Здесь меня и увидела Зоя Петровна Игумнова.

Зою Петровну хорошо знали в Московском университете. До войны она была директором рабфака университета, заместителем декана по учебной работе биологического и исторического факультетов. Знал Зою Петровну и я как энергичного и принципиального человека, но тогда даже и не предполагал, какими замечательными душевными качествами она обладает. Увидев меня на костылях, Зоя Петровна бросилась ко мне, как к родному человеку.

— Евгений Михайлович, здравствуй. Вернулся. Да ты на костылях. Ах, беда какая. Ну, ничего, протез сделают. Да ведь тебе трудно так на трамвае ездить. Слушай, у моего мужа машина есть. Я могу попросить его прислать за тобой машину, когда ты поедешь следующий раз в университет.

— Спасибо, Зоя Петровна. Но машины мне не надо. Буду приспосабливаться жить по-новому. А потом и я надеюсь на протез.

Вот с этой встречи в трамвае наше знакомство переросло в большую дружбу, которая возникла позднее во время совместной работы в парткоме университета.

Добрался до университета. И первое, что я сделал, это зашел на свою родную кафедру грунтоведения. Обстановка там была совсем другая, по сравнению с довоенной непривычная. Лаборатории почти пустые: студентов и сотрудников мало. Над газовыми горелками стоят кастрюли, в которых что-то варится, закипает чайник. Нет, это не значит, что никто не работал. Наоборот, все работали и работали сверх всякой нормы, но при этом стремились и обед сварить, и лишний раз чайку попить (пусть даже без сахара).

Исполнял обязанности заведующего кафедрой доцент Сергей Сергеевич Морозов. Сергей Сергеевич всегда был склонен к полноте. Таким мы привыкли видеть его до войны. Но в ноябре 1943 года ко мне вышел худой, осунувшийся мужчина, на котором, как говорят, костюм висел. Я вспомнил своего отца, и, кажется, по-настоящему понял, какими трудными были годы войны для многих в тылу.

В свое первое посещение университета мне надо было зайти к ректору и подать ему заявление с просьбой о восстановлении в университете для продолжения работы над диссертацией. Кабинет ректора находился в правом крыле «казаковского» здания, на втором этаже. Надо было подняться по крутой, высокой лестнице. Вошел в приемную, запыхавшись. Подал заявление секретарю. Это была Анастасия Порфирьевна Новчикова, которая работала в этой должности до 1986 года, более 40 лет. Она прочитала заявление.

— Сейчас доложу Илье Саввичу Галкину. — Это был новый ректор университета, назначенный на эту должность во время войны.

Об Илье Саввиче Галкине мне хочется сказать несколько слов. Илья Саввич был назначен ректором МГУ во время войны, до этого он не работал в университете. Участник гражданской войны, профессор, но без докторской степени, придя в МГУ, он стал заведовать кафедрой на историческом факультете. Не могу не упомянуть о том, что, когда Илья Саввич перешел с должности ректора целиком на работу на кафедру, он защитил докторскую диссертацию. Просто будучи ректором, да еще в такое трудное время, у него до этого «руки не доходили». Освободился от административной работы и доказал, что он настоящий ученый.

— Илья Саввич просит вас зайти.

Захожу. Знакомимся. Передо мною сравнительно молодой человек с щеточкой усов, взгляд пристальный, внимательный. Говорит, что немедленно подпишет приказ о восстановлении, и вдруг спрашивает: «Не надо ли для дома дров?». Мне неудобно при первом же знакомстве сказать, что «да, надо», я благодарю и отказываюсь. На этом наше свидание с ректором заканчивается.

Мне еще надо подняться на четвертый этаж, в партком университета. Два костыля под мышку, правая рука опирается на перила. Со ступеньки на ступеньку прыгаю до четвертого этажа.

Вхожу в партком. Новые, незнакомые люди. Спрашиваю секретаря парткома.

— Секретарь парткома у нас Василий Федорович Ноздрев. Недавно избрали. Сейчас скажу о вас.

— Заходите.

Вхожу. За столом, где перед войной сидел я, сидит молодой парень, моложе меня. Смотрит на меня с любопытством. Большие умные глаза. Он никуда не спешит, я тоже. Начинается разговор. Василий Федорович знает, что я был секретарем парткома МГУ. А я его не помню. Он был аспирантом на физическом факультете и активно общественной работой не занимался. Уже во время войны его привлекли к партийной работе, сначала вне университета, а потом рекомендовали избрать секретарем парткома МГУ. В конце нашей беседы Ноздрев говорит:

— Евгений Михайлович, а вы не согласитесь войти в состав парткома? Заместителя у меня по оргработе нет. Вот хорошо, если бы согласились.

— А вы думаете, что я на костылях буду вам полноценным помощником?

— При чем тут костыли? Разделим работу так, что вы будете больше находиться в парткоме, а я буду ходить на факультеты, в райком партии, в общем буду представлять партком где надо.

Предложение было неожиданным, но мне сразу же захотелось снова войти в активную жизнь университета. Тут же забыл, как трудно мне было только что подниматься по лестнице, и я ответил:

— Я не возражаю. Если коммунисты выберут, согласен.

В марте 1944 года на партийном собрании университета меня доизбрали в состав парткома и на ближайшем его заседании выбрали заместителем секретаря по работе.

Перед войной я провел большие экспериментальные исследования по теме «Теплота смачивания грунтов». Все мое оборудование пропало во время эвакуации МГУ в Ашхабад и Свердловск, но, к счастью, сохранились все записи моих исследований. Теперь важно было вникнуть в эту тему, изучить имеющуюся литературу не только на русском, но и на иностранных языках, осмыслить свои собственные результаты и, как итог — написать диссертацию. Нужна была литература. Ездить зимой на костылях в библиотеку университета для меня было очень сложно. И тут на помощь пришла Мария Николаевна Кагнер, сотрудник нашей кафедры, которая предложила привозить мне книги домой. Так продолжалось до тех пор, пока я не стал сам регулярно бывать в университете. В значительной степени благодаря помощи Марии Николаевны мне удалось быстро подготовить диссертацию к защите. Большое ей спасибо за это. Не считая пребывания в рядах армии, мне удалось подготовить и защитить утвержденную тему диссертации в двухгодичный срок.

В диссертации доказывалось, что величина теплоты смачивания изменяется от химико-минерального состава и размеров частиц, слагающих дисперсные грунты (глины, торф, лессы, пески и другие); устанавливались закономерности, определяющие величину теплоты смачивания от этих факторов. Было доказано, что теплота, выделяющаяся при смачивании грунтов, есть результат потери кинетической энергии молекулами воды при переходе их в прочносвязанное состояние на поверхности твердых частиц. В общем работа развивала «филатовское» направление в грунтоведении и явилась известным этапом в изучении других свойств дисперсных грунтов с физико-химических позиций.

Официальными оппонентами по диссертации выступали профессор, доктора геолого-минералогических наук Иван Васильевич Попов и Иван Николаевич Антипов-Каратаев.

В день защиты было не просто. Мне не повезло. Пришлось защищать больным ангиной, стоя на костылях с температурой за 38°. Откладывать защиту не хотелось. Впрочем, я доложил все нормально и отвечал на вопросы правильно. Меня поздравляли, но единственным желанием было как можно скорее вернуться домой и лечь на свой диван. 19 июня 1944 года я был утвержден в ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. Таким образом, я выполнил возложенные на меня обязательства, связанные со «сталинской» стипендией.

Таким образом, уже в 1944 году я вернулся к активной работе в университете, защитил кандидатскую диссертацию, а осенью в должности доцента (так как преподавателей на кафедре грунтоведения было мало) стал читать студентам пятого курса спецкурс «Избранные главы грунтоведения» и руководил работой трех дипломников. Учебник М.М. Филатова «Дорожное грунтоведение», изданный в 1936 году, по которому мы занимались, будучи студентами, безнадежно устарел (переиздать его было нельзя), а сам наш учитель, к большому сожалению, скончался в Свердловске в 1942 году. Основной курс грунтоведения читал Сергей Сергеевич Морозов. Но ему трудно было охватить все вопросы по утвержденной Минвузом

программе, несмотря даже на его огромную эрудицию. Поэтому и возникла необходимость в дополнительном спецкурсе по грунтоведению. Доверили его мне, начинающему работу доценту.

Чтобы систематизировать материал и облегчить студентам слушание спецкурса, я написал, и издательство МГУ издало в 1946 г. первое мое учебное пособие по грунтоведению, куда вошли и мои материалы по диссертации о теплоте смачивания грунтов и новые работы, опубликованные за рубежом. Название книги «Избранные главы общего грунтоведения», объем 10 печатных листов. В 1952 году вышло уже большое учебное пособие по общему грунтоведению — 30 печатных листов, получившее гриф Минвуза «учебное пособие для студентов геологических факультетов». Оно было переиздано в Китае в 1957 году на китайском языке. Эта книга послужила основой для издания уже учебников не только в этих, но и в других странах (например, в Болгарии, Сирии).

Здесь в качестве отступления хочу сказать несколько слов о дальнейшем создании учебников по грунтоведению. В 1959 году вышел учебник по грунтоведению объемом 35,5 печатных листов как второе издание. Тем самым первое издание «Грунтоведения» было возведено в ранг учебника. После окончания Второй Мировой войны инженерная геология как наука, изучающая все геологические вопросы, связанные со строительством (горные породы, геологические процессы, региональные изменения в строении земной коры), стала бурно развиваться в нашей и других странах. Возникла необходимость в новом учебнике, более широкого профиля. Я пригласил своих сотрудников кафедры: Галину Андреевну Голодковскую, Рема Сабировича Зиангирова, Виктора Ивановича Осипова и Виктора Титовича Трофимова быть моими соавторами в 3-м издании. Они любезно согласились и очень дружно, в сравнительно короткий срок наш коллектив написал 3-е издание «Грунтоведения» — учебник объемом более 50 листов, который вышел тиражом более 5 000 экземпляров в 1971 году. Думаю, что он стал не только учебником, но и помощником в работе специалистов, их настольной книгой. Книга быстро разошлась, и нашему авторскому коллективу пришлось готовить 4-е (более сокращенное) издание в 1973 году, 5-е (значительно переработанное) в 1983 году и 6-е в 1988 году. 30 лет просуществовал учебник «Грунтоведение». Им широко пользовались в нашей стране и других странах (Китае, Польше, Болгарии и др.). Научная общественность выдвинула его на Государственную премию. Ее получили все авторы за 5-е издание учебника в 1988 году на одном из последних заседаний Комитета по научным Государственным премиям. Думаю, что «Грунтоведением» пользуются и сейчас. За учебники редко давали такие награды.

Но вернемся в 1946 год. Все было бы хорошо, если бы не костыли и необходимость ежедневного передвижения на них от Большой Ордынки до университета и обратно.

Ректорат и партком приняли решение дать мне комнату на территории университета. Возможность такая была. В учебных корпусах, построенных еще до революции, были предусмотрены большие профессорские квартиры. Большинство из них давно уже превратились в коммунальные. Получили комнату и мы.

Вход в эту комнату был через кухню. Но мы считали, что попали в рай. Площадь комнаты около 20 метров, большое светлое окно выходило в тихий университетский двор. Подумать только, наша жилая площадь боль-

ше чем удвоилась! Есть место еще для одной детской кроватки. Ведь мы снова ждали ребенка. 26 марта появилась на свет Наташенька. Когда выбирали имя, я высказал некоторое сомнение:

— А как они с письмами разбираться будут. Придет письмо «Н.Е. Сергеевой», а кому — Нине или Наташе?

— Ничего, разберутся, — сказала Шура и к этому вопросу мы уже больше не возвращались. Наташа стала Наташей. А ведь мое опасение оказалось справедливым. Случилось так, что обе дочери стали геологами. Нина окончила университет по кафедре минералогии. На этой же кафедре она проходила обучение в аспирантуре, стала кандидатом геолого-минералогических наук, старшим научным сотрудником, одна из первых среди геологов применила электронный микроскоп при изучении минералов. Естественно, что у Н.Е. Сергеевой появились научные статьи.

Наташа окончила Московский университет по кафедре геохимии, затем изучала колчеданные месторождения Карелии. Собранный во время трехлетней работы материал позволил ей поступить в аспирантуру на кафедру полезных ископаемых МГУ. Она тоже стала кандидатом геолого-минералогических наук, старшим научным сотрудником и у нее тоже появились публикации. Чтобы избежать библиографической путаницы статьи Наташи стали публиковаться за авторством: «Нат.Е. Сергеева». Тогда, 40 лет назад мы, естественно, об этом и не думали. Мы просто радовались, что нас стало четверо.

Нина помогала маме. Ее обязанностью стало ходить в продуктовый магазин и отovarивать карточки. Однажды в магазине в начале месяца у нее украли все продуктовые карточки.

— Только на минутку положила их на прилавок, пока хлеб в сумку укладывала, а их уже нет, — плача рассказывала Нина. Месяц этот для нас был тяжелый.

От меня помощи было мало. Во-первых, костыли, вторых, занятость работой с утра и до позднего вечера. Пришлось Шуре временно, как мы считали, оставить работу. Но часто бывает так, что временное превращается в постоянное. Так случилось и у нас. После рождения второго ребенка Шура посвятила свою жизнь воспитанию детей, потом внуков. Неизвестно, что бы смог я сделать в жизни, не будь ее рядом. Мы часто обижаем своих дорогих друзей, когда на вопрос «чем занимаетесь ваша жена?», не задумываясь, отвечаем: «она не работает». Мать, жена, бабушка, посвящающие жизнь семье, делают большое государственное дело — они растят будущее поколение, они в работе, неинтересной в своей обыденности, с утра и до ночи. Возможно, они больше трудятся, чем остальные члены семьи. В молодости такие мысли не приходят, тем более не до них было в годы войны. Тогда приходилось решать конкретные вопросы — как организовать жизнь и работу людей в трудное военное время. Многими такими вопросами занимались ректорат и партком Московского университета.

Секретарь парткома в 1943–1945 гг. Василий Федорович Ноздрев был, безусловно, одаренный человек. В.Ф. Ноздрев окончил физический факультет, его учителем был профессор Александр Саввич Предводителев, пользовавшийся большим авторитетом на факультете и, конечно, у своего ученика. Ноздрев сочетал в себе черты не только ученого, физика, но и «лирика». Он был поэтом, печатался. Его стихи мне понравились. Сейчас они изданы отдельной книжкой. Поэзия отнимала значительную

часть времени у партийного работника. Но это беда не большая.

Заканчивалась война. Ни у кого не было сомнения, что мы победим, что фашизм будет разгромлен. Победа воспринималась не только как победа советского народа, но и как победа его идеологии. Поэтому идеологические проблемы приобретали все большее значение. По инициативе секретаря парткома была подготовлена и проведена научная конференция, посвященная роли русской науки в развитии мировой культуры.

Проходила она в Коммунистической аудитории, до предела заполненной народом. В президиуме помимо руководства университета были представители партийных организаций, известные ученые. Был на этой конференции и академик Н.Д. Зелинский. В общем, получилось крупное и нужное мероприятие, которое привлекло внимание научной общественности к важной проблеме, к проблеме, которая не потеряла своего значения и в наше время. И постановка вопроса, и организация конференции — все это в значительной степени является заслугой секретаря парткома, Василия Федоровича Ноздрева.

Но наряду с этой проблемой им (я думаю, что под влиянием некоторых своих учителей — физиков) был выдвинут еще один тезис, который, как показала жизнь, является ошибочным. Суть его заключалась в том, что в нашей стране существуют две науки: «университетская» и «академическая», которая противостоит первой. При этом приводились следующие доводы: университетская наука может постоянно развиваться за счет наиболее талантливой молодежи, академическая — получает только то, что не надо университетам; крупнейшие русские ученые и писатели не были в составе Российской Академии (Д.И. Менделеев, В.В. Докучаев, А.М. Горький и др.); уровень развития науки в США выше, чем у нас, потому что там она развивается главным образом на базе университетов. Спорный тезис, но заманчивый для университетской общественности.

К секретарю парткома зачастили профессора физфака, считавшие себя «обиженными», «обойденными». От них на имя Сталина, отдельных членов политбюро были направлены письма, которые, как правило, заканчивались просьбами о поощрении ученых-физиков Московского университета. Причем в этих письмах были и конкретные рекомендации с указанием, кому надо дать Сталинскую премию, кого избрать в Академию наук СССР или наградить орденами.

Тенденция противопоставления университета академии не была общеуниверситетским явлением. Все это происходило в рамках одного факультета — физфака, но поскольку активное участие в нем принимал сам секретарь парткома, оно могло охватить и другие факультеты. Ведь в то время мы ничего не знали о работах Королева, Курчатова, Келдыша — они были строго засекречены, а демагогические доводы о передовой роли университетской науки часто звучали весьма подкупающе для ученых и студентов университета.

Ректор университета Илья Саввич Галкин был категорически против противопоставления университета академии. Я тоже считал, что такое противопоставление недопустимо. В этом вопросе наши точки зрения совпадали, хотя мы ни разу специально не обсуждали этот вопрос.

Вот с Василием Федоровичем Ноздревым у меня были дискуссии по этому поводу, и не раз. Он отстаивал свою точку зрения, я — противоположную, необходимость бо-

лее тесных связей между Московским университетом и Академией наук. Большинство членов парткома были такого же мнения. В декабре 1945 года я был вновь избран секретарем парткома МГУ. Заместителем секретаря парткома по идеологической работе была Зоя Петровна Игумнова, как я уже писал, человек замечательный. Из деревенской девочки она, благодаря условиям, созданным Советской властью, и, конечно, своим способностям, стала прекрасным педагогом, воспитателем молодежи. Жизнь Зои Петровны неразрывно связана с Московским университетом. Ректорат и партийная организация всегда направляли ее на работу туда, где что-то не ладилось. Зоя Петровна работала директором рабфака при МГУ. Я помню ее заместителем декана биологического факультета, а потом в той же должности на историческом факультете. Во время войны Зоя Петровна преподавала историю КПСС. Говорила она убежденно, от души, аудитория слушала ее затаив дыхание. Многому я у нее научился и горжусь тем, что могу себя отнести к числу ее друзей.

Летом 1983 года мы отдыхали с женой в Прибалтике, в Юрмале. Вышли первый раз к морю и увидели пожилую, стройную женщину, идущую в сопровождении молодого человека (мы решили — внука). Я еще издали узнал в ней Зою Петровну. Окликнул ее, и мы расцеловались к удивлению ее спутника.

Яркой фигурой был декан географического факультета Сергей Дмитриевич Муравейский. Он работал сравнительно недавно в Московском университете, был уже немолод и имел большой жизненный опыт. В 1941 году, когда сократившийся до минимума коллектив Московского университета был эвакуирован в Ташкент, а затем вскоре в Ашхабад, он встретился там с большими трудностями. Не было подходящих помещений для занятий, для жилья профессорско-преподавательского состава и немногочисленных студентов. Плохо обстояло дело с питанием. Сотрудники университета отправлялись за город, в пустыню ловить черепах и собирать их яйца. Надо было подкармливать себя и свои семьи. В этих условиях Муравейский, будучи ректором Среднеазиатского государственного университета, делал все возможное, чтобы помочь москвичам. Перезнакомился со многими учеными, у него установились дружеские отношения с их семьями. К нему привыкли, считали своим. Когда университет переехал в Свердловск, а затем в Москву, Сергей Дмитриевич тоже приехал в Москву вместе с университетом.

По специальности он был гидролог, точнее лимнолог. Став, деканом географического факультета МГУ, он поставил перед собой задачу организовать учебную базу для студентов факультета. До Муравейского обучение проходило только в стенах университета и в экспедициях, куда кафедры устраивали своих студентов. Муравейский поставил вопрос о новом виде обучения — долгосрочной учебной практике. Внимание Сергея Дмитриевича в первую очередь привлекло только что полученное университетом подсобное хозяйство «Красновидово».

Красновидово находится западнее Можайска, сравнительно недалеко от места Бородинского сражения. До революции это было имение фон Мекка, возможно, потому оно не было разрушено немцами, в то время как все деревни вокруг были полностью сожжены. Там Сергей Дмитриевич и стал организовывать учебную базу и научную станцию географического факультета. В течение ряда лет на ней проходили практику студенты географического и геологического факультетов.

Сергей Дмитриевич был тяжело болен. В районе сонной артерии у него образовалась злокачественная опухоль. Ее неоднократно удаляли, но она снова проявлялась, и каждый раз операции становились все сложнее и опаснее. Ему пришлось отпустить бороду, чтобы скрыть рубцы на шее и искривление лица. Думаю, Сергей Дмитриевич понимал, что дни его сочтены и, несмотря на это, он, человек увлекающийся и энергичный, активно участвовал в жизни университета. Он любил и пошутить. Посмеиваясь, рассказывал, как его задержали, когда он осматривал окрестности Красновидова. Местные жители заподозрили в нем шпиона.

— Нет, — отвечал им Муравейский, — я не шпион, я диверсант. Ведите меня прямо в Красновидово.

Каково же было их разочарование, когда им сказали, что это уважаемый профессор Московского университета.

Не могу не вспомнить добрым словом Аркадия Александровича Космодемьянского, члена парткома МГУ, профессора механико-математического факультета. Аркадий Александрович был молодым профессором; он очень увлекался работами Циолковского, охотно поддерживал студентов физфака, мехмата, мечтавших о полете на Луну.

Однажды помог он и мне, когда понадобилось рассчитать нагрузку на образец грунта в результате воздействия на него ударного копра, установленного на мехмате в лаборатории проф. А.А. Ильюшина. Расчет был достаточно сложным, и сам бы я с ним не справился. Аркадий Александрович был веселым, общительным человеком, мог быстро переключиться на обсуждение серьезных вопросов. В начале пятидесятых годов он перешел на работу в Военную академию им. Жуковского.

Хочется подробнее рассказать о члене парткома МГУ Клавдии Васильевне Топчиевой. Уже в то время она была доцентом химического факультета и работала на кафедре физической химии, которой заведовал проф. А.В. Фрост. Клавдия Васильевна была высокой, стройной женщиной, мастером спорта по волейболу. И тогда, и до последних дней жизни (мы проводили ее в последний путь в 1984 году) она всегда была принципиальным человеком. Жизнь у нее сложилась трудно, она потеряла родителей, четырех братьев, молодой умерла ее дочь после родов, оставив матери внука. И несмотря на это, Клавдия Васильевна вела большую педагогическую и научную работу, всегда принимала активное участие в общественной жизни университета. Я всегда высоко ценил возможность посоветоваться с ней, узнать ее мнение. Когда естественные факультеты переехали в новые здания на Ленинских горах, Клавдия Васильевна была избрана деканом химического факультета, но проработала в этой должности недолго. Административная работа ей была не по душе.

Клавдия Васильевна много уделяла внимания молодежи — аспирантам, студентам. Успешно читала лекции по физической химии. Об этом я знаю от студентов своей кафедры, для которых курс физической химии всегда был сложным. А вот Клавдию Васильевну они хорошо понимали с удовольствием ходили на ее лекции. Совершенно справедливо, что она одна из первых среди профессоров университета была награждена орденом Ленина.

Я остановился на характеристике отдельных членов парткома 1943–1944 гг., чтобы показать, что уже во время войны, когда университет был малочисленным, когда большинство коммунистов были на фронте, в составе парткома были люди, которые в послевоенный период

много сделали для дальнейшего развития Московского университета. Ректорат партком делали все, чтобы университет смог нормально работать после Победы, которая была не за горами.

Часто в партком обращались с просьбами помочь разыскать кого-нибудь из сотрудников или студентов университета их родственники или друзья. Так «разыскали» меня Заславские.

Входит технический секретарь парткома:

— Евгений Михайлович, о Вас наводят справки какие-то Заславские, говорить им о том, что Вы в парткоме или не надо?

— Да где они?

— В приемной.

Я без костылей, на одной ноге, выскочил в приемную.

— Марк! Нина!

С 1941 года мы ничего не знали друг о друге. И вот живы, встретились вновь в университете. Марк и Нина переезжали на работу с Дальнего Востока в Молдавию, в Кишинев и на всякий случай зашли в партком. Удачно получилось. Но это, конечно, счастливое исключение.

Обращались в партком и по самым разным бытовым вопросам, решить которые не всегда удавалось. Однажды приходит пожилая женщина с мальчиком лет десяти, бабушка с внуком. Зима 1944/45 г. Мальчик одет плохо и явно не по росту. Внук молчит, с любопытством разглядывая обстановку комнаты. Говорит бабушка:

— Мы к вам из Суздаля приехали. Сынок мой окончил университет, поехал на фронт и в сорок первом его убили. Похоронка пришла. На мне внучок-то. Учиться ему надо, а в школу ходить не в чем. В райвоенкомат пошла, а там говорят: это его МГУ на фронт послал. В МГУ приехали, говорят: да ведь он окончил университет, как же мы можем вам какие-то ордера выдавать. Сын-то у меня коммунистом был. Вот и пришли в партком, помогите.

— А как фамилия сына?

— Баулин. На геолого-почвенном факультете учился.

— Виктор Баулин?

— Он самый.

— Мы вместе с ним учились. Жаль его, но вопрос у вас не простой. Однако надо его решать.

— Ты уж, пожалуйста, сейчас решай. Нам ведь в Москве ночевать негде. Надо в Суздаль ехать.

Надо созваниваться по телефону. Все это решить оказалось не так просто. Немало прошло времени, пока меня спросили: на кого же надо выписывать ордера?

— Тебя как зовут?

— Володя.

Владимир Викторович Баулин пошел по стопам отца. Он поступил на геологический факультет, окончил его, окончил аспирантуру по кафедре мерзлотоведения, стал работать в системе Госстроя СССР. Сейчас Владимир Викторович Баулин профессор, доктор геолого-минералогических наук, лауреат Государственной премии СССР, директор одного из головных институтов Госстроя РСФСР, дружно избранный трудовым коллективом на эту должность. Но при разговоре со мной по телефону он всегда представляется как тогда в сорок четвертом: «Евгений Михайлович, здравствуйте, говорит Володя».

Большое внимание партком уделял подсобному хозяйству в Красновидово. Оно вносило существенное подспорье в общественное питание. Кроме того, на его базе мы решили открыть пионерлагерь для детей сотрудников университета.

В годы Советской власти на территории бывшего поместья фон Мекка были построены три хороших каменных корпуса, где разместился интернат для испанских ребят, которых отправили родители в нашу страну, подальше от ужасов гражданской войны. Когда фронт стал приближаться к Москве, ребяташек эвакуировали в глубь страны. При уходе из Красновидова фашисты не стали разрушать эти корпуса, надеясь, что они снова вернутся и тогда фон Мекк получит свое имение.

После отступления фашистов, советские люди, скрывавшиеся в лесах, вернулись в свои родные деревни. И вместо домов увидели пепелище. Положение ужасное, зима, жить негде. Вот тогда и решено было временно соорудить землянки, используя для них двери, окна, полы, в общем все, что можно было взять из корпусов интерната в Красновидово. Другого выхода не было. Поэтому университет получил уже не корпуса, а только оставшиеся от них кирпичные коробки. Одну из таких коробок и решено было отстроить для пионерлагеря.

Главная трудность была с рабочей силой. Материалы, транспорт удалось получить. Есть прораб. Но кто будет строить? Партком и профком обратились с просьбой к коммунистам — аспирантам университета помочь в строительстве пионерлагеря и нашли поддержку с их стороны. Не помню ни одного случая отказа от участия в этих работах. Два месяца отпуска аспиранты посменно проводили на строительстве. В результате летом сорок пятого пионерлагерь начал действовать.

Можно считать, что это предыстория вузовских строительных отрядов. Думается, что этот отряд аспирантов Московского университета был одним из первых вузовских отрядов, внесших свою, пусть небольшую лепту в военное время в восстановление народного хозяйства страны.

После того как 2 мая отгремел по случаю взятия Берлина салют, всем стало ясно, что война в ближайшие дни закончится. Все ждали Победу, понимали, что это должно неминуемо случиться. Дома у меня был телефон, выходящий тогда на университетский коммутатор. В ночь с 8-го на 9-е мая раздался продолжительный звонок. Я допрыгал до телефона, снял трубку.

— Это дежурная телефонистка говорит. Вы не сердитесь, что разбудила. Поздравляю с Победой. Сейчас мы услышали, что Германия капитулировала. Завтра будет праздноваться день Победы. А вот, что с Гитлером делалось, где он, проклятый изверг, не знаю. Неужели его не поймал? Вы ничего не слышали?

— Нет, ничего не знаю. А за информацию спасибо.

После этого звонка, а был он в два часа, заснуть было невозможно. Мы с Шурой поздравили друг друга. Затем я позвонил своим друзьям и знакомым. Было одно желание — как можно скорее сообщить кому только можно: все, мы победили. Разве можно спокойно спать в такую ночь!

Днем университет бурлил. Начиная с осени 1944 года ряды сотрудников и студентов значительно пополнялись демобилизованными из армии: кто после госпиталя, кто был отозван для научной и педагогической работы. Все больше и больше на дворе и в аудиториях МГУ мелькало шинелей, гимнастеров с нашивками за ранение, с орденами и медалями.

На митинг по случаю Победы, собрались в Коммунистической аудитории. Она была так же набита до отказа, как и 22 июня 1941 года. Но тогда выступавшие говорили: «Мы победим!», а 9 мая 1945 года все с радостью и гордостью говорили: «Мы победили!».

По окончании митинга ко мне подошла студентка.

— Вы меня не узнаете?

— Узнаю. Таня Смирнова — переводчица 617-го полка. Какими судьбами здесь в университете?

— Да ведь я ушла на войну, не окончив ИФЛИ, а он влился в университет, вот я и стала студенткой университета. Мне надо защищать диплом.

— Вот хорошо, что встретились в день Победы, да еще в университете. Ты извини, сегодня день такой, не могу уделить тебе много времени. Еще увидимся и поговорим обо всем.

Народ хлынул на Красную площадь. Там качали военных, обнимались и целовались, радовались и плакали. Конечно, туда же отправились и многие студенты университета.

Вечером в день Победы все окна в Москве светились. Никто не отдавал распоряжение об отмене светомаскировки. Народ распорядился сам. Всем было ясно: раз Победа — к черту светомаскировку, надоела. Поэтому совсем неожиданно прозвучал голос Левитана, объявившего очередной салют в честь освобождения Праги. Тут только спохватились, что там, на западе, несмотря на капитуляцию, идет еще война, и гибнут наши советские люди.

Нам казалось, что после победы все должно измениться, жизнь будет прекрасной. Измученные войной люди считали, что иначе и быть не может. Но действительность оказалась суровой. Понадобился упорный труд миллионов советских людей на долгие годы, чтобы жизнь наладилась. В этом упорном труде участвовали рабочие, крестьяне и интеллигенция, все народы, населяющие нашу страну, люди разного возраста от школьников до стариков. Но главной «ударной силой», как и в годы войны, в годы восстановления было поколение Октября.

По улице идет человек на костылях. Прохожие невольно обращают на него внимание. Ему это неприятно, и он делает вид, что ничего не замечает. Прыгает и прыгает, опираясь на костыли. К такому привыкнуть трудно. И еще мучительно сознавать, что полученная инвалидность изменила твои жизненные планы, не дает тебе возможности заняться любимым делом. Но есть еще и физические трудности. Идешь зимой на костылях по обледеневшему тротуару. Скользко. Надо приложить немалые усилия, чтобы костыли не разъезжались в стороны, чтобы не упасть. А сделать это не так просто, если в одной руке портфель с книгами, а в другой сверток чертежей. Идешь и невольно думаешь: хоть бы поскорее добраться до трамвая или метро, а еще лучше до цели своего путешествия. Дошел до нужного здания, а лифта нет или он не работает. Надо подниматься по лестнице на костылях.

И все-таки моральный фактор доставлял мне больше неприятностей, чем физические нагрузки. Выходишь читать лекцию студентам. Костыли под мышку и что-то чертишь или пишешь на доске. При этом бывают неловкие движения, вплоть до прыжков на одной ноге. Тишина стоит в аудитории, и вдруг появляется мысль: а что больше привлекает внимание студентов — излагаемый материал или сам лектор? Возможно, многим эти рассуждения покажутся странными. Но ведь я пишу о себе, а у меня было так. Встать на две ноги — вот была мечта, вот что снимет чувство неполноценности и даст возможность заниматься своей специальностью, участвовать в работе экспедиций.

В 1945 году я решил, что пора попробовать осваивать протез. Инвалидов войны было много, предприятий и ин-

ституты, где изготовлялись протезы — мало. Очень хвалили специализированный институт в Теплом переулке. Написали письмо директору института профессору Николаю Николаевичу Приорову, и он меня принял. Я ему начал рассказывать о своем ранении, о плохой культе, и вдруг Николай Николаевич говорит: «На любую культю протез можно сделать». Тут же позвонил и отдал распоряжение: «Сделать протез». Дежурный врач и протезист высказали другое мнение: «Раз Приоров распорядился, протез мы Вам сделаем, но ходить Вы на нем не сможете. Культя такая, что надо делать реампутацию».

Протез был сделан. Но стоило мне его надеть и хоть немного походить, как выпирающие кости прорезали тонкую кожу. Я сам убедился — реампутация неизбежна, и стал к ней готовиться. Решил обязательно ее сделать у Приорова.

Шел сорок шестой год. В мае я явился в приемное отделение института. Здесь на меня заполнили необходимые документы и отправили в санпропускник. Никакие уверения, что я только что дома принял ванну, не помогли. В санпропускнике было сыро и очень холодно — дуло из разбитого окна. Нянечка для вида окатила меня чуть теплой водой, выдала изрядно пожелтевшее белье, пижаму и тапочки, из которых одну я держал в руке.

Попал я в отделение, где заведующим был доктор Блохин (однофамилец известного ученого Н.Н. Блохина). Он тогда пользовался в институте (по крайней мере, у больных) очень большим авторитетом. Говорили, что он первый или один из первых произвел операцию на сердце.

Вечером у меня заболело горло, и поднялась температура 38°. Утром температура продолжала держаться.

Пришел Блохин. Утренний обход заведующего отделением. Его сопровождали врачи и сестры отделения. Увидел меня.

— А, новенький. Что у него?

— Реампутация левой голени.

— Покажите. (Это уже ко мне.) Да, реампутация необходима, завтра и проведем. Готовить на операцию.

— Доктор, а ничего, что у меня температура?

— Сколько?

— Сегодня 37,8°.

— Почему?

— Горло болит. Наверное, простудился: в санпропускнике было очень холодно.

— Возможно. Выпишите его.

И пошел дальше. Пришла сестра.

— У нас выписывают после обеда. Вы не расстраивайтесь. Пройдет несколько дней, поправитесь, и снова к нам придете.

— Хорошо.

Позже пришел профессор Приоров. Поздоровался, присел на кровать.

— Ну, как дела?

Я ему рассказал о решении Блохина. Он удивился.

— Впервые слышу, что человека надо выписывать из больницы, потому что он болен. Мы Вас сейчас в другое отделение переведем, к Розе Львовне Гинзбург. У нее есть небольшая палата. Сейчас там двое. Вы будете третий. Сейчас распорядюсь.

Через 20–30 минут я был переведен в эту самую палату. Один из моих новых товарищей оказался главным врачом протезного завода на Ленинградском проспекте: лежал он с инфарктом, не по профилю института и попал сюда случайно. Другим соседом по палате был начальник

Главаптекоуправления Минздрава СССР Николай Александрович Петриченко. Он был ранен в ногу (голень) еще в годы гражданской войны под Астраханью, совсем молодым парнишкой. С тех пор прошло много лет, а рана все давала о себе знать. Ужились мы все трое хорошо.

Роза Львовна Гинзбург повела себя иначе, чем Блохин. Быстрая, энергичная, немного шумливая, она была очень внимательным и умным врачом. Расспросив меня об обстоятельствах ранения, осмотрев ногу, сказала:

— Прежде чем решать вопрос об операции, надо выполнить специальный анализ крови, посмотреть, не осталось ли в организме возбудителя газовой гангрены. Да и вообще пообследовать вас со всех сторон. Нина Афанасьевна, займитесь этим.

Нина Афанасьевна Попова была нашим палатным врачом. Совсем еще молоденькая, стройная, интересная, очень живая и веселая, она, приходя к нам, всегда вселяла чувство уверенности, что все будет хорошо. Через несколько дней Роза Львовна на очередном обходе сказала:

— Должна вас огорчить, Евгений Михайлович, в крови обнаружен возбудитель газовой гангрены — белый стафилококк. Операцию сейчас делать нельзя. Будем с ним бороться, колоть антибиотики.

Прошло еще около трех недель, когда к нам в палату пришел Николай Николаевич. Как и в первую нашу встречу, он присел на краешек кровати, как бы подчеркивая этим неофициальность своего визита.

— Как самочувствие, Евгений Михайлович?

— Спасибо, отличное. Вот только Роза Львовна все не решается на операцию. Не пора ли, Николай Николаевич?

— Роза Львовна — молодец. Таким и должен быть настоящий хирург. Все надо взвесить и предусмотреть, чтобы операция прошла удачно. Белый стафилококк — вещь весьма опасная. Лечили вас не зря, в крови его стало значительно меньше, единичные экземпляры, но и они опасны. Я хочу, чтобы вы знали правду и сами приняли решение. Вряд ли сейчас после операции у вас вспыхнет газовая гангрена. Раньше вероятность этого была большой, сейчас — минимальная, но она есть. Если это случится, чтобы спасти жизнь, придется отнять всю ногу. Элемент риска есть. Если решаете положительно — будем оперировать, если отрицательно — тоже не зря у нас пролежали, хороший курс лечения провели.

— Николай Николаевич, спасибо за откровенность. На костылях не житье, а существование. У меня только одна просьба: прооперируйте вы меня сами.

— Хорошо, тогда в следующий понедельник, 11 июня, наркоз, как всегда, пентотал.

Разговор у нас был в четверг, а на следующий день, в пятницу, произошел несчастный случай. Все операции

в институте, требовавшие общего наркоза, проходили с пентоталом. В пятницу при очередной операции скончался под наркозом больной. Следующим на операцию в понедельник должен был идти я. Не могу сказать, чтобы меня этот случай очень вдохновил, но и не поколебал моего решения.

Зашла Нина Афанасьевна.

— Звонил Николай Николаевич, просил у вас спросить: может быть, хотите оперироваться при спинномозговом уколе. Но велел передать, что несовместимость по отношению к пентоталу бывает очень редко.

— Давайте ничего не будем менять. Пусть все остается, как договорились.

— Вот и молодец. Увидите, что все будет хорошо.

Пришли в операционную. У стола, с масками на лицах стояли: Николай Николаевич, Роза Львовна, Нина Афанасьевна, сестры.

Положили на стол. Вставили капельницу в вену:

— Читайте.

Помню, что досчитал до 19.

Очнулся уже у себя в палате. Как будто пьяный: весело и хочется кому-то объясниться в любви. Вошла Нина Афанасьевна. Объяснился ей. Она, как обычно, посмеивается и протягивает стакан с вином.

— Пейте, это портвейн. После операции мы всегда его даем. Выпил и сразу заснул.

На следующий день Нина Афанасьевна, посмеиваясь, спрашивает:

— Помните, как мне вчера в любви объяснялись?

— Кажется, помню.

— Не смущайтесь. Это не Вы объяснялись. Это объяснялся пентотал. Не было еще случая, чтобы после него человек в любви не объяснялся. Но жаль, что Вы не объяснились в любви Розе Львовне. Она этого заслуживает. Это она вас так отлично прооперировала. А Николай Николаевич только смотрел и изредка давал советы. Самому ему уже трудно оперировать. Практики мало стало. Административная работа мешает.

Реампутация прошла удачно. На протезном заводе на Ленинградском шоссе мне сделали протез. Первым моим протезистом был Александр Федорович Комаров. Вскоре его сменил Наум Яковлевич Дайн, протезы которого я носил много лет.

Сбылась моя мечта, я снова стал ходить на «двух ногах». Но ненадежная вторая «нога». То она болит, то ломается протез. Однако все же почувствовал себя работоспособным человеком, а не инвалидом, и решил остаться геологом, способным участвовать в далеких и трудных экспедициях. Первым таким опытом была Каракумская экспедиция. 🌀

www.geomark.ru